

Философия и политика: русская философия Серебряного века «в ситуации»

К. Г. Мальцев¹, И. В. Жданова²

¹доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
Россия, г. Белгород. E-mail: maltsevaannav@mail.ru

²аспирант кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
Россия, г. Белгород. E-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Аннотация. Актуальные вопросы взаимосвязи философии и политики рассмотрены на примере противоречивых взаимоотношений русской философии Серебряного века и российского революционного движения. Целью было показать невозможность «коротко замкнуть» (П. Б. Струве) философию на решение задач практической политики. Попытки истолковывать актуальные политические проблемы в горизонте «вселенской борьбы добра и зла» (С. Н. Булгаков), которые, ко всему, должны обосновываться в «положительной вере», не могли быть успешны; в результате проведенного исследования выявлены особенности русской философии рубежа XIX–начала XX веков (важнейшими из которых, в отношении к теме статьи, названы: усвоенная от Вл. Соловьева претензия на «духовное водительство» и от Л. Толстого склонность к проповеди, определившие неудачу в решении задачи, полагавшейся ею (философией) важнейшей: обустроить политику на основе «общеобязательного универсального мировоззрения» (Н. А. Бердяев), единства политической, национально-философской и религиозной традиции. «Мировоззренческий характер» русской философии Серебряного века, основанный на «самопонимании» своей сути и основных задач, доказывается в статье, во многом обусловил ее чуждость современному ей «общественному сознанию». Последовательная и принципиальная дифференциация (Н. А. Бердяев) «политического» и «философского» должна, вопреки поспешности, проявившейся в работе русской философии Серебряного века, предшествовать усилиям по конструированию на основе их синтеза политической традиции; философская публицистика никак сама по себе не является пригодным средством для решения названной задачи (и не есть дело самой философии); этот вывод актуален для политических реалий нашего времени.

Ключевые слова: мировоззрение, интеллигенция, революция, дифференциация, конкретный идеализм.

Философская публицистика есть *contradictio in adjecto* (внутреннее противоречие). Эта характеристика имплицитно содержит всю судьбу русской моральной и политической философии, вполне сознательно отдавшей себя публичности, до того, что временами почти поддавались искушению прямо вовлечь Бога в газетную полемику по очередному злободневному вопросу; тем более имелись исключительные примеры для подражания: А. С. Хомяков [20], например, мог вывести европейские социализм и революцию прямо из «филиокве». Восприняв от русской литературы (может быть) «миссию учительства», русская политическая философия Серебряного века оказалась просто не нужна; а для нас она, как предмет изучения, представляет антикварный интерес; иногда – досужего любопытства; почти никогда – средство реанимации национального самосознания (Ф. И. Гиренок [11]). Нагляднее всего это проявилось в истории сборника «Вехи» [9] и историях «вокруг» него: газетно-журнальный скандал, анекдот поездки Милюкова «по России» с лекциями-опровержениями, «организационные выводы» насчет соучастников сборника («бойкот» был в обычае русской демократической интеллигенции) – все это мало подобает философии (речь здесь не идет о содержании высказанных в «Вехах» идей, тоже весьма разных, кстати). В общем, «от истории» мы вправе судить о предмете (сборнике), попавшем в «историю», «сделавшем» ее (но, прибавим, также и заключать об обществе, которому было адресовано это послание). Русская политическая философия серебряного века (вообще-то, серебряный век – это о литературе, но как-то закрепилось в употреблении и про философию) не имела адресата: не было политического движения, к которому она могла «прислониться» (или от которого оттолкнуться), с которым ее могли бы правомерно (или нет, из каких-нибудь «видов», не суть) связать. Здесь удовлетворительной иллюстрацией могут служить: «социал-демократизм» Бердяева и Булгакова, кратковре-

менный эпизод¹ (Бердяев успел «за социал-демократию» даже в ссылке в Вологде побывать; Булгаков стал конструировать «христианский социализм» [6]), завершившийся «Проблемами идеализма» [14]; мистическая революционность Мережковского: у него она временами не различалась с революционностью политической, но оставалась совершенно чуждой революции; либерализм кн. Е. Н. Трубецкого, подозрительный для нас сквозь позитивистских кадетов, – примеры можно множить, но именно названные авторы будут занимать нас в данной статье². Общество, революция, философия были не просто врозь³ (им и подобает так быть), хуже: они существовали друг для друга лишь в сюжетах истории, вроде связанной с «Вехами», и это уже требует быть истолкованным⁴; философы-«охранители», кстати, находились в той же, если не худшей, ситуации, своими среди «своих» они никогда не были. Русское общество в целом, ни один его «элемент» не «сочетались» (здесь было бы даже уместнее другое слово: «не монтировались») с русской философией рубежа веков. Русская революция (и даже более – реакция, но в этой статье мы должны упустить это), если имела глубину, то обреталась она вне связи с философией, и характер русской философии серебряного века был не последней причиной такого обстояния⁵; обнаруживая обозначенную взаимную чуждость именно в усилиях быть «практической». Публицистичность, морализаторство, учительство (более того: идущая от Вл. Соловьева претензия на пророчество, от Л. Толстого – на проповедь), с одной стороны, – мечтательность, иллюзорность, фантастический радикализм (те же Бердяев и Мережковский), анархизм, которому оставалось быть «мистическим» (и оттого еще более «радикальным»), с другой – при полной изолированности от «общества», которое *вправе* отвергнуть пророчество и проповедь, а заодно тем самым получает возможность и *повод* отвернуться и от философии, раз уж сам философ их смешивает не только на уровне содержания, но и стиля (конечно, и «мистический блуд», прекрасно описанный в воспоминаниях Бердяева [2] или Степуна [15]): философия должна *быть* и не искать влияния (замечал, например, Хайдеггер⁶), и только этим она (философия) может (если вообще может) воздействовать. Однако же

¹ В сравнении с «эпизодом» Хайдеггера, все, что приключилось с некоторыми русскими философами – сущее ничто. Здесь речь может идти еще и об особой «соразмерности» (и меньше всего о содержании) политического движения и философии, не только специально политической философии: они, конечно же, всегда врозь (может, только А. Бадью умеет почти непосредственно их связывать, но ни у претендовавших на это Сартра или Фуко – не совсем получалось), но, как показывает пример Хайдеггера, и совершенно другой пример названных нами русских философов, может случиться по-разному «врозь».

² Никогда и ни у кого, кажется, не возникало желание привлечь к интерпретации содержания бердяевской философии как таковой его «социал-демократизм», хотя «духовную верность» «левому направлению» сам Бердяев всегда и до самого конца подчеркивал [2].

³ Пример П. Б. Струве [16] (философская серьезность была отчасти причиной его, достаточно быстрой, эволюции от социал-демократизма вправо), с одной стороны, К. П. Победоносцева – с другой, утверждаем мы, лишь подтверждают сказанное.

⁴ Нельзя же всерьез рассматривать, *в связи с вопросами этой статьи*, «полемику» В. И. Ленина, развернутую им в «Материализме и эмпириокритицизме», работе, наверное, гениальной в каком угодно отношении, но не имеющей никакого отношения к философии. Собственно, такое же отношение к философии имеет «богостроительство» Богданова и Луначарского с товарищами.

⁵ Д. Е. Галковскому [10] принадлежит интересное замечание о характере и уровне русской философии серебряного века: «Вехи» при известном «развитии/состоянии» философии должны были бы представлять собой «нисхождение» к «политической злобе дня», но *были*, напротив, манифестацией «предела возможностей» («способностей») этой философии (не «публицистикой», но «самой философией»). Несмотря на нарочитую радикальность подобной оценки, в ней фиксируется нечто для нас важное: специфическое понимание русской философией своих задач интересующими нас здесь философами «своего дела».

⁶ Философский гений Хайдеггера настолько очевиден, что вменяемый ему «эпизод» в послевоенные и особенно в наши либеральные времена, безусловно, уничтоживший бы не только философа, но и его философию, очень мало повлиял на оценку ее (философии) значения, при всех приложенных к этому усилиях (Адорно [1], Поппер, Бурдье, например). Дело не в «эпизоде» самом по себе, но в возобновляющихся попытках истолковывать философию Хайдеггера через этот «эпизод». Но благомыслящие не хотят уразуметь, что, даже если предположить, что из названных авторов Бурдье, к примеру, прав в выводах, представленных в книге «Политическая онтология М. Хайдеггера» [19], – это ведь ни в малейшей степени не поколеблет ни «подлинности» философии Хайдеггера, ни истинности его историко-философских интерпретаций; равно как патентованное благомыслие нисколько не улучшит качество некоторых «философий». К. Шмитту повезло меньше, но и это не решают совсем игнорировать, только лишь надлежащим образом интерпретировать (как это, например, сделано в недавней книге «К. Шмитт, Л. Штраусс и “Понятие политического”. О диалоге двух отсутствующих» [12] Х. Майером). Но

при некоторой цикличности и даже повторяемости нашей истории может оказаться небезполезным послушать, что хотели сказать выбранные нами для этой статьи философы, умевшие уловить «глубинные сдвиги» истории, увидеть символы революции, связанные не только с «политической поверхностью» («плоскостью», лишенной измерения глубины, считали «политическое измерение» Мережковский [13] и Франк [19], на которую «проецируется» «подлинная история») и, может быть, не вполне проигнорировать услышанное⁷ (не как «рецепт», но как свидетельство и показывание «на что-то», что может иметь отношение к «нашим обстоятельствам»).

Исключительным предметом нашего интереса, таким образом, является то философское у Бердяева, Булгакова и Трубецкого (прежде всего), что более всего, поверх газетно-журнальной полемики, было чуждым и вызывало решительное неприятие (речь, напомним, идет прежде всего о социальной, политической философии): постоянное (иногда – нарочито-вызывающее) стремление истолковывать самые поверхностные и злободневные политические события из перспективы «вселенской борьбы добра и зла», которые, ко всему, воспринимались не иначе, как в свете веры (пусть и не вполне церковной). С европейской и либеральной точки зрения такое возможно только от недостатка культуры, как лучшее подтверждение варварства, но лицемерная ангажированность этой точки зрения, вместе со всем, ее обосновывающим и ей принадлежащим, была вполне ясна уже тогда, и не без усилий (больше невольных) русской философии.

Бердяев, кажется, настаивает на «самостоятельной ценности» истины и, соответственно, на необходимости, как он сам пишет, «дифференциации» [3, с. 14], в том смысле, что философия не должна «обслуживать» политические интересы или обосновывать политические идеалы. Напротив, он настаивает на «синтезе»: «новое сознание» представляется ему как «синтез знания и веры», «теории и практики», «правды-истины и правды-справедливости» [3, с. 29], необходимость «общеобязательного универсального сознания» [3, с. 1]) представляется ему несомненной; «жажда целостного мирозерцания» роднит русскую философию и интеллигенцию (к «реакции» Бердяев враждебен, и считает ее ответственной за «искажения» интеллигентского умонастроения, в основе своей благого); вообще же, положительные и ценные черты русской интеллигенции – «жажда целостного мирозерцания, в котором теория слита с жизнью, жажда веры. Интеллигенция не без основания относится отрицательно и подозрительно к отвлеченному академизму, к рассечению живой истины» [3, с. 16–17], и в «ее требовании целостного отношения к миру и жизни можно рассмотреть черту бессознательной религиозности» [3, с. 17]. Задача философии – сделать религиозность сознательной; «конкретный идеализм» (Вл. Соловьева прежде всего, по крайней мере, в этот период своего творчества Бердяев так считал) должен быть как национальной философской традицией, так и основой мировоззрения русской интеллигенции и тем самым обеспечить «религиозно-философское» «углубление» политики. Итак, вместо «обслуживания» – «синтез», вместо «материализма как религии» – «конкретный идеализм», в свою очередь основывающийся в «религиозном интересе»; политика должна воспринять «духовных вождей»⁸ (важно притом, чтобы «правильных»). Дифференциация непременно должна разрешаться в синтезе, в последнем – смысл бердяевской «программы».

Для правильного понимания Булгакова в его анализе религиозной природы русской интеллигенции, следует иметь в виду его позднейшую характеристику «сути» основных направлений философии как *ересей* [5]. Свою статью в «Вехах» Булгаков начинает с утверждения о том, что русская революция (первая, 1905–1907 годов) была в том числе «историческим судом» [4, с. 32] и что сама история «есть жизненный опыт, опыт добра и зла, составляющий условие духовного роста» [4, с. 32]. Это был суд прежде всего над интеллигенцией, потому что «весь идейный багаж, все духовное оборудование, вместе с передовыми бойцами,

здесь гений. В русской философии соразмерным Хайдеггеру, но совсем другим и по-другому, может быть, можно полагать лишь В. В. Розанова, кстати, едва ли не единственного из русских философов, у которого еще и сейчас есть страстные и непримиримые враги, что есть вернейший показатель не только «историографически-антикварной» заинтересованности в его философии.

⁷ Разумеется, наша статья – тоже философская публицистика, и к ней даже в большей степени относится все, что мы сказали ранее об этом жанре; оправдываться в этом предприятии мы будем в конце нашего обзора, сейчас лишь напомним про возможность, указанную Ф. И. Гиренком.

⁸ Претензия «духовного водительства» претерпела изменения, но не оставила Бердяева – «анархиста-индивидуалиста» до конца.

застрельщиками, агитаторами, пропагандистами, был дан революционной интеллигенцией» [4, с. 33]. И вообще, «душа интеллигенции, этого создания Петрова, есть вместе с тем и к грядущим судьбам русской государственности и общественности... Судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна эта интеллигенция» [4, с. 33]; для патриота, «любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции, и вместе с тем нет заботы более томительной и тревожной, как о том, поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция» [4, с. 3]. Так как, по Булгакову, «самая основная особенность интеллигенции в ее отношении к религии» [4, с. 35], и «нельзя также понять и основных особенностей русской революции, если не держать в центре внимания этого отношения интеллигенции к религии» [4, с. 35], то «историческое будущее России стягивается в решении вопроса, как самоопределится интеллигенция в отношении к религии» [4, с. 35]. Булгаков полагает, что есть основание надеяться на то, что нас ждет «подлинная революция в умах и сердцах» [4, с. 35], так как «христианские черты просвечивают в духовном облике лучших и крупнейших деятелей русской революции» [4, с. 37], ей свойственны «социальное покаяние» и «жертвенность», которые укрепляют «настроение неотмирности интеллигенции» [4, с. 37]; «известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божиим, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества – если не от греха, то от страданий – составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции» [4, с. 36]; и даже: «Сколько раз во второй Государственной Думе в бурных речах атеистического левого блока мне слышались – странно сказать! – отзвуки психологии православия, вдруг обнаруживалось влияние его духовной прививки» [4, с. 36]. Это – не только «личное мнение» лишь Булгакова; Достоевский тоже попытался вручить своим «братьям Карамазовым» едва ли не судьбы мира. Конечно, находились и скептики. Розанов, например, неоднократно иронично (а при сильном раздражении – и саркастично) замечал, что служащий чиновник, военный, а прежде всего – Император, тоже несколько не меньше (а несравнимо больше) делом обустроивает государство; не меньше – и остальные условия империи (первые перечислены ввиду их постоянного противопоставления интеллигенции как «темных сил», у Бердяева и Булгакова – постоянно, в том числе и в процитированных статьях). Но что взять с человека, полагавшего обеспечить повседневную жизнь семьи и дать приданное дочерям задачей важнейшей, чем соблюдать «идеологическую чистоту» (речь о возмущившей так всех истории сотрудничества Розанова разом в «консервативных», «либеральных» и «социал-демократических» изданиях, в которых он иногда даже полемизировал сам с собой, пользуясь псевдонимами – и публика не догадывалась до тех пор, пока один из псевдонимов случайно не открылся стараниями одной из редакций). Его и обвинили не только в политическом двурушничестве, но прямо в моральной нечистоплотности и, что особенно важно для нас, в философской несостоятельности. Розанов вообще смел полагать, что интеллигентские баталии – «почти ничто» в отношении к «судьбе России» (и несмотря на революции, не сказать, чтобы был совсем неправ: он лишь недооценивал тот вред, который может быть причинен на путях реализации интеллигентской мечты о Граде Божиим). Вообще, для отечественной философии характерна определенная перспектива: сводить «дело государства» к интеллигентскому междусобойчику⁹; важно, что такое свое «понимание дела» успешно удается представлять как «суть».

Но важно прежде всего увидеть, что «в истоке» русская интеллигенция (как ее толковал Булгаков, и не только он) и русская философия (в лице известнейших ее представителей) были едины: религиозный «интерес» и «искание Града» происходили, правда, на разных путях, и важнейшей задачей философии, Булгаковым например, считалась «направить на истинный путь» (философия как таковая на это не способна; но, «одухотворенная» религией, может внести «лепту», в чем ее единственное «обоснование»). Философия и истину свою получает «из глубины» религии («институционализированной» или «свободной»).

Кажется, что русский либерализм был вполне внерелигиозен и, как мы сказали выше, позитивистичен (это не означает, что либералы не ходили в урочные дни в Храм, иногда,

⁹ Не только для русской: французские «интеллектуалы», например, «вели себя» в этом отношении даже более радикально и последовательно; то же – об американских журналистах, шире – «медиасреде» и сопутствующей «университетской среде»; изумление, обида, ярость, связанные с выборами 2016 года и их результатом, тоже показательны.

правда, после собрания в Ложе). Однако же масон кн. Е. Трубецкой (почитатель и один из первых апологетов Вл. Соловьева), рассуждая о смысле жизни, писал: «Одно из двух – или все в мире в конечном счете осмысленно, или все бессмысленно. Если есть всеединый смысл, проникающий в какой-то неведомой глубине все, что есть: и земное, и небесное, и мертвое, и живое – или тщетно – самое искание смысла. Если есть смысл жизни, то он должен быть силою, все побеждающею. Он должен обладать способностью все претворять в себя, даже суету, даже самую бессмыслицу. В мировой жизни не должно оставаться ни единого уголка, им не озаренного и им не наполненного. Он должен сиять не только внизу и не только наверху, этот смысл, а крестообразными лучами, вверх, вниз, во все стороны. Он должен открыться в самом страдании, в самой немощи твари, в неудачах ее искания, в ее высшей, предельной муке, более того – в самой ее смерти» [17, с. 293], и «всякому понятно, что этот вопрос о всеильном и всепобеждающем смысле есть вопрос о Боге. Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни. Это и есть то, ради чего стоит жить и без чего жизнь не имела бы цены. И хотя бы предположение это опровергалось повседневым опытом, хотя бы мы на каждом шагу встречали яркие доказательства бессмыслия и безбожия вселенной, все-таки в последней инстанции то преодоление смысла, на котором утверждается вся наша жизнь, никакими доказательствами отвергнуто быть не может» [17, с. 294]. Из этого прямо выводится «оправдание политики»: «Оправдание горизонтальной линии жизни заключается в мысли о грядущей новой земле, полной абсолютного, духовного содержания и смысла; эта плоскостная, здешняя жизнь оправдывается лишь постольку, поскольку она поднимается в другой план и в нем преображается. Значит, тут горизонтальная линия оправдывается не сама по себе в своей отдельности взятая, а в сочетании с линией вертикальной. Только в объединении и скрещении обеих линий может быть найдено оправдание как той, так и другой. Это подтверждается и всеми данными нашего опыта о вертикальном жизненном пути» [17, с. 304].

Мы постарались привести выписки, по-видимому, опровергающие наши утверждения, сделанные в начале статьи. Речь у нас, повторим, идет не о революции, не об оценке роли интеллигенции, не об «обществе» как таковом, но о философии: о русской философии серебряного века, обвиненной нами сразу: во-первых, в публицистичности, во-вторых, ненужности (не по обстоятельствам времени, но по сути) в той «возможности», к которой она себя преимущественно сама определяла: это называется мировоззрением. И мы утверждаем, что именно в мировоззренческом характере русской философии был ее «изъян» и причина этой самой «ненужности», вопреки тому, что она сама настойчиво проповедовала (основная задача – обретение «цельного мировоззрения», посредством философии укорененного до «области веры»).

С первым из названных пунктов разобраться достаточно легко: проповедь, полагавшаяся при таком понимании задач философии, не только дозволенной, но прямо необходимой (пусть как моральная проповедь) есть публицистика. И в этом качестве она подвержена всем обстоятельствам области «медиа» (едва ли кто-то, кроме журналистов в самом широком смысле, будет утверждать, что эта область в чем-то сродни храму). Конечно, можно проповедовать и здесь, но для этого потребны благодать и святость, то есть речь не идет уже о философии, так что мы можем дальнейшие возможности, открывающиеся здесь, не рассматривать: речь в статье, подчеркнем еще раз, о философии.

Относительно того, является ли философия как таковая прежде всего «мировоззрением», в первой половине XX века появилась обширнейшая литература (прежде всего в Германии) [19]. Не затрагивая тему по существу (здесь нужна не одна статья), отметим только, что до всех споров на эту тему философия просто должна быть. А слабость философии, философской традиции в России в то время, прямо признавалась (и на это указывалось в работах) теми авторами, мнения которых тематизированы в предмете этой статьи; русская философия серебряного века, не вполне став философией, сразу же определила себя к задачам и заявила претензии, едва ли соответствующие своему тогдашнему «положению». Да и те, кто «делал философию», часто хотели быть «не только» философами («поэт в России больше, чем поэт»).

И тем не менее¹⁰ некоторые не вполне бесполезные выводы и предположения, имеющие отношение к нашей «ситуации», можно попытаться сделать. Распространены практики «философского обоснования» (иногда «оправдания») политической практики, и часто это называется

¹⁰ Мы обещали в конце статьи оправдаться за то, что прибегли сами к жанру «философской публицистики», и то, что таковой является большая часть написанного под формальным титулом «философия», само по себе, конечно, не оправдывает.

«философией политики»; кажется, достигнуто согласие в том, что предметом философского «осмысления» могут быть «актуальные проблемы» современности (даже особенный обязательный раздел в диссертациях по философии об их «практической актуальности» иногда интерпретируется прямо в смысле возможности «практического» использования выводов исследования). Спорить с этим бесполезно; но «ограничить» подобную практику и несколько «подправить» «общее согласие» можно попытаться (в том числе и указанием на русскую философию серебряного века). Может быть, философии бы совсем не повредил критерий, подобный разработанному в свое время М. Вебером [8] для различения социального научного знания от, как он сам выразился, проповеди: различие между «отнесением к ценности» и «оценкой». Однако перед этим более важно еще другое: «философствовать» можно только «из философии», и едва ли не первый шаг здесь – внятное самопонимание в отношении традиции и метода¹¹. И, наконец, все-таки «дело философии» – сама философия; этот вывод прямо следует из нашего обсуждения одной из тем, связанных с русской философией серебряного века.

Список литературы

1. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М. : Канон ; Реабилитация, 2011. 191 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Книга, 1991. 446 с.
3. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 11–30.
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 31–72.
5. Булгаков С. Н. Трагедия философии // Сочинения : в 2 т. Т. 1. / С. Н. Булгаков. М. : Наука, 1993. С. 311–516.
6. Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск : Наука, 1991. 350 с.
7. Бурдые П. Политическая онтология М. Хайдеггера. М. : Праксис, 2003. 272 с.
8. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения / М. Вебер. М. : Прогресс, 1990. С. 547–601.
9. Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. 607 с.
10. Галковский Д. Русская политика и русская философия. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/galkov.htm>.
11. Гиренок Ф. И. Патология русского ума. Картография дословности. М. : Аграф, 1998. 416 с.
12. Майер Х. К., Шмитт Л. Штраусс и «Понятие политического». О диалоге двух отсутствующих / Х. Майер. М. : Скимень, 2012. 192 с.
13. Мережковский Д. Е. Больная Россия. Л. : ЛГУ, 1991. 270 с.
14. Проблемы идеализма. М. : Московское психологическое общество, 1902.
15. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М. : Прогресс-Литера ; СПб. : Алетейя, 1995. 651 с.
16. Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М. : Республика, 1997. 527 с.
17. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Смысл жизни : антология / Е. Н. Трубецкой. М. : Прогресс-Культура, 1994. С. 243–488.
18. Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. С. 13–146.
19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир. Конечность. Одиночество. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.
20. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Сочинения : в 2 т. Т. 2. Работы по богословию / А. С. Хомяков. М. : Медиум, 1994. С. 25–309.

Philosophy and politics: Russian philosophy of the Silver age "in the situation"

K. G. Maltsev¹, I. V. Zhdanova²

¹Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of theory and methodology of science, Belgorod State Technological University n. a. V. G. Shukhov. Russia, Belgorod. E-mail: maltsevaannav@mail.ru

²postgraduate student of the Department of theory and methodology of science, Belgorod State Technological University. V. G. Shukhov. Russia, Belgorod. E-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Abstract. Actual questions of interrelation of philosophy and politics are considered on the example of contradictory interrelations of the Russian philosophy of the Silver age and the Russian revolutionary movement. The aim was to show the impossibility of "short-circuiting" (P. B. Struve) philosophy to solve the prob-

¹¹ Самая «мрачная» часть именно философских диссертаций – это «методология исследования».

lems of practical politics. Attempts to interpret actual political problems in the horizon of the "universal struggle of good and evil" (S. N. Bulgakov), which, in addition, should be based on "positive faith", could not be successful; the result of the study revealed the peculiarities of the Russian philosophy of the XIX–beginning of XX centuries (the most important of which, in relation to the topic named: lessons from Vl. Solovyov's claim to "spiritual leadership" and Tolstoy's propensity for preaching, which determined the failure in solving the most important task that she (philosophy) relied on: to arrange politics on the basis of a "universally binding universal worldview" (N. A. Berdyaev), the unity of political, national-philosophical and religious tradition. The "world outlook character" of the Russian philosophy of the Silver age, based on the "self-understanding" of its essence and main tasks, is proved in the article, in many respects caused its alienation to the contemporary "social consciousness". The consistent and fundamental differentiation (N. A. Berdyaev) of the "political" and the "philosophical" must, contrary to the haste manifested in the work of Russian philosophy of the silver age, precede the efforts to construct on the basis of their synthesis of political tradition; philosophical journalism is not in itself a suitable tool for the solution of this problem (and is not a matter of philosophy itself); this conclusion is relevant to the political realities of our time.

Keywords: worldview, intelligentsia, revolution, differentiation, concrete idealism.

References

1. Adorno T. Zhargon podlinnosti. O nemeckoj ideologii [Jargon of authenticity. About the German ideology]. M. Kanon ; Rehabilitation. 2011. 191 p.
2. Berdyaev N. A. Samopoznanie [Self-knowledge]. M. Kniga. 1991. 446 p.
3. Berdyaev N. A. Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda [Philosophical truth and intellectual truth] // *Vekhi. Iz glubiny* – Milestones. From the depth. M. Pravda. 1991. Pp. 11–30.
4. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo [The heroism and sacrifice] // *Vekhi. Iz glubiny* – Milestones. From the depth. M. Pravda. 1991. Pp. 31–72.
5. Bulgakov S. N. Tragediya filosofii [Tragedy of philosophy] // Works in 2 vols. Vol. 1 / S. N. Bulgakov. M. Nauka. 1993. Pp. 311–516.
6. Bulgakov S. N. Hristianskij socializm [Christian socialism]. Novosibirsk. Nauka. 1991. 350 p.
7. P. Bourdieu. Politicheskaya ontologiya M. Hajdeggera [Political ontology of M. Heidegger]. M. Praxis. 2003. 272 p.
8. Weber M. Smysl "svobody ot ocenki" v sociologicheskoy i ekonomicheskoy nauke [Meaning of "freedom from evaluation" in sociological and economic science] / M. Weber / *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. M. Progress. 1990. Pp. 547–601.
9. *Vekhi. Iz glubiny* – Milestones. From the depth. M. Pravda. 1991. 607 p.
10. Galkovskij D. Russkaya politika i russkaya filosofiya [Russian Russian politics and philosophy]. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/galkov.htm>.
11. Girenok F. I. Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti [Pathology of the Russian mind. Cartography of verbatim]. M. Agraf. 1998. 416 p.
12. Mayer H. K., Schmitt L. Shtrauss i "Ponyatie politicheskogo". O dialoge dvuh otsutstvuyushchih [Strauss and "the Concept of the political". On the dialogue of two absentees] / H. Mayer. M. Skimen'. 2012. 192 p.
13. Merezhkovskij, D. E. Bol'naya Rossiya [Sick Russia]. L. LSU. 1991. 270 p.
14. *Problemy idealizma* – Problems of idealism. M. Moscow psychological society. 1902.
15. Stepun F. Byvshee i nesbyvsheesya [Former and unfulfilled]. M. Progress-Litera ; SPb. Alethea. 1995. 651 p.
16. Struve P. B. Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, socializm [Patriotica: Politics, culture, religion, socialism]. M. Respublika. 1997. 527 p.
17. Trubeckoj E. N. Smysl zhizni [Meaning of life] // *Smysl zhizni: antologiya* - Meaning of life: anthology / E. N. Trubetskoy. M. Progress-Kultura. 1994. Pp. 243–488.
18. Frank S. L. Duhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society]. M. Respublika. 1992. Pp. 13–146.
19. Heidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir. Konechnost'. Odinochestvo [Basic concepts of metaphysics. World. Limb. Loneliness]. SPb. Vladimir Dal. 2013. 592 p.
20. Homyakov A. S. Neskol'ko slov pravoslavnogo hristianina o zapadnyh veroispovedaniyah [A few words of an Orthodox Christian about Western religions] // *Sochineniya v 2-h t. T. 2. Raboty po bogosloviyu* – Works in 2 vols. Vol. 2. Works on theology / A. S. Khomyakov. M. Medium. 1994. Pp. 25–309.